

О. Н. Толстихин

ГОДЫ, ПЕРЕВИТЫЕ ЛЕНТАМИ ТРОП

Исчезают из памяти даты,
С каждым годом представить трудней
Облик мест, где бывал я когда-то
В пору первой разведки своей.

Исчезают из памяти люди,
Что встречались на дальних путях,
Только долго, наверное, будет
Жить тайга в моих грезах и снах.

И вдали от сырой непогоды,
На покое, до боли остро,
Многokrатно припомнятся годы,
Перевитые лентами троп..



Тени и ветер, или единство мира

Я ещё не вышел из палатки
И смотрю на призрачные тени,
Что по тенту бродят в беспорядке
И каком-то трепетном смятенье.

Видно, это листьями колышет
Под лучами утреннего солнца
Тихий ветер. Он совсем не слышен,
Он поздней, наверное, проснётся.

На старом лагере

Мне бывает бесконечно грустно
Видеть пепелища лагерей,
Где так тихо, сумрачно и пусто
Без когда-то бывших там людей.

Срубленные несколько деревьев,
Под палаткой жердевый настил,
Сложенный небрежно, поскорее,
Словно дождь кого-то здесь настиг.

Кто здесь был, чей след в траве утерян,
И о чем мечтал он у костра?
Далеко, наверное, теперь он,
Где-нибудь совсем в других местах.

Как узнать, дошёл ли он до дома
Или затерялся навсегда?
Ведь бывает путнику иному
И такая выпадет судьба...

И ещё печально от того мне,
Что так скоро, где-то над рекой
Свежую зелёною травой
Зарастёт последний лагерь мой.

Растревожит шумом лес могучий,
Ветровал настелет по долинам,
Понагонит бархатные тучи,
Сделав небо темно-темно синим.

И опять умчит куда-то вдаль он,
И устав с дороги, так же слабо
Поколышет ранним утром пальмы
Над шатром кочевника-араба.

ГОДЫ, ПЕРЕВИТЫЕ ЛЕНТАМИ ТРОП

Весной...

Весною ранней, ленской поймой
Я прохожу по косогору,
Я каждый день на Лене помню –
Меня влекут её просторы.

И луг, заснеженный и мокрый,
Вдруг видится в осенних красках,
Когда горит заря в протоках,
Когда цветет шиповник красный.

Или нежданно-нежданно
Табун лавиной сорвётся,
Как символ жизни первозданной
Куда-то к солнцу пронесётся.

И где-то скроется нарочно,
А мир наполнится лучами...
Из-за весенних ленских строчек
Не сплю московскими ночами.

Ода науке, или раздумья на Диринг-Юряхских раскопках

Это можно представить: он сидел у костра
И рассматривал палец, разбитый рубилом.
Неудачный удар? Или что-то забыл он?
Или камень не тот отыскал он вчера?

С пальца капала кровь. И в глазах его мука,
И не мог он понять, и не знал он того,
Что в вопросах простых зарождалась наука,
Неудачный удар – первый опыт его.

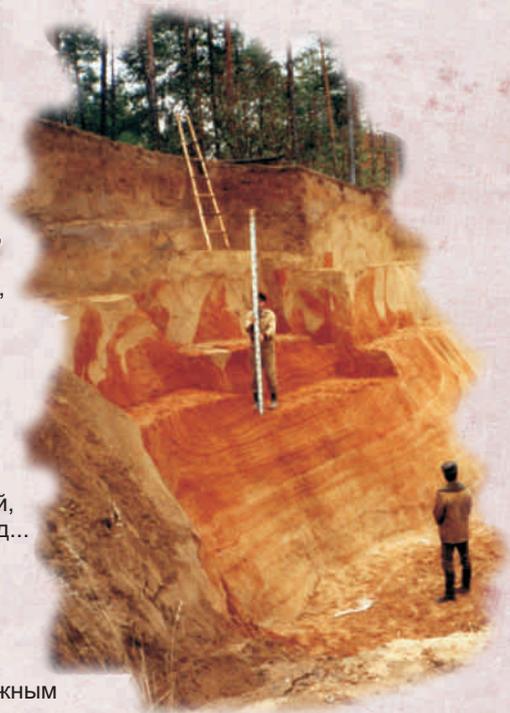
Сколько было потом и веков и ударов,
Испытаний, сомнений в тревожной ночи:
Каждый шаг Человеку давался не даром,
Становился он следствием многих причин.

Все познать в многоцветье вещей и явлений,
В беспредельности связей процессов и сред...
Шли к вершинам наук звонари поколений,
Величайшим трудом добиваясь побед.

Избегая ошибок трагичных и грозных,
Гильотин и костров на тернистом пути...
Сколько жизней и сил... Чтобы стало возможным
По дороге прогресса сегодня идти.

По дорогам крутым и отнюдь не бесспорным
В техногенно-нейтронный космический век...
Что нам делать теперь, чтобы в бурях и штормах
Мог рождаться, любить и мужать человек?

Над горнилами войн, над землей опалённой,
Над пространством земных очищающих вод
Поднимает всё тверже свой голос учёный,
Сын народа, народ за собой поведёт!



Зимняя сказка

Ночь тёмная над Леною-рекой,
Простёртая бескрайнею пустыней,
Снег искристый, мороз, туманный иней.
Весь мир наполнен сном и тишиной.

И в вышине – полярная звезда,
Мне кажется, она сейчас так близко
В ночи мерцает голубую искрой,
Зовёт к себе, неведомо куда.

Туда, где звёзд скопления слиты
Во Млечный Путь, дорогу голубую,
Неровную, но чистую такую,
Как ленский снег, как юные мечты.

Всё позади в сумбуре прошлых лет
Осталось где-то, просто растерялось,
А мне даны как милость и как малость
Лишь этот снег и этот лунный свет.

На студенческой практике

Палаточный лагерь на отмели ленской,
На самых высоких полярных широтах.
Палаточный лагерь – кусочек вселенной,
Песчиночка жизни, любви и работы.

В палаточный лагерь приходим мы снова.
Для нас он – ступенька в неизвестное завтра.
Мы в нём постигаем начала земного,
Мы в нём начинаем прощаться с вчерашним.

Здесь нет непогоды и мрака ночного,
И солнце полдненное кружит над нами.
И вечным восходом так сказано много,
Как, верно, не скажешь иными словами.

Мои добрый товарищ, борись неустанно,
Чтоб Землю не ввергнуть во мрак катаклизмов!
И здесь, в Заполярье, она не устала,
И здесь, в Заполярье, есть место для жизни!

Осень в тундре

Осень в тундре ни с чем не сравнима:
Этот яркий багряный ковёр
На широком пространстве равнины
Поражает и радует взор.

В предрассветной лазоревой дымке
Зарождаются искорки рос,
И вдали восстают невидимки –
Силуэты полярных берёз:

Невысоких, но стойких, ветвистых,
Закаленных в суровой борьбе.
Золотистыми гроздьями листьев
Они вызов бросают судьбе!



ГОДЫ, ПЕРЕВИТЫЕ ЛЕНТАМИ ТРОП

Л.Ш.

Брусника

Брусника – ягода лесная,
В ней ароматы мхов и хвои,
А помнишь, как её мы брали –
В огромном мире – только двое.

В лесу осеннем было росоно,
И до земли склонялись ветви...
Между Якутском и Покровском,
На тридцать третьем километре!

Реки

Реки, одни могучие,
Другие – просто прозрачные,
Водятся реки с тучами,
Дружат с дождями мрачными.

С росными дружат искрами
И со снегами белыми.
Реки такую чистою
Нашу планету делают.



На прогулку в марте

Дорогие мамы, папы, няни!
Отряхните утреннюю лень.
Выходите на прогулку с нами
В этот выходной морозный день.

Выносите ваших ребятишек
Из домов на воздух и на свет –
Маленьких девчонок и мальчишек,
Тех, которых вам дороже нет!

Шарфиком подзатыните ротик
И не бойтесь вирусных бед,
Выходите прямо на протоки,
На скрипящий под ногами снег.

Посмотрите вдаль, какое чудо –
Поймы ленской снеговой простор.
И невольно думаешь, не худо б
Добрести до тех вон дальних гор,

Что застыли по краям долины,
Соснами кивая с высоты.
А вокруг – приленские куртины,
Инеем мохнатятся кусты.

И на них – рубиновые капли,
Ягоды шиповника висят...
Чтоб ребятки, вырастая, крепки
Выносите за город ребят!

Алдан

Алдан – удивительный город,
Мне кажется, он не на севере:
Кругом обнажённые горы,
А город купается в зелени.

Аллеи кругом тополёвые,
Стройны и тенисты ряды их.
И люди какие-то новые,
Веселые и молодые.

Драга

Драга – это чудовище,
Похожее на слона.
Она достает сокровища
С речного древнего дна.

Железным вращая хоботом,
Чтоб кто-то богаче стал,
Она добывает золото,
Тяжёлый жёлтый металл.

Будущее – в прошлом?

Вместо солнечной долины,
Лиственниц и тополей
Словно селем иль лавиной
Груды вздыблены камней.

Не хрустальные истоки,
Воды звонких родников –
Льются мутные потоки
Пробуренных хвостов.

Не случайно, не однажды
По долинам многих рек
Мертво-лунные пейзажи
Оставляет человек.

Оглянись, пусть будет страшно
Как от взрыва, от огня –
Не несет ли день вчерашний
Гибель завтрашнего дня

Тарыннах

На Тарыннах спустились облака,
И значит – не дожидаться вертолёта.
И можно не загадывать, пока
Над нами не улучшится погода...
Уж сколько дней так приходилось ждать
И в облаках высматривать просветы.
Их все сложить – растянутся в года
Пустых надежд, что солнцем не согреты.

Синий самолет

Спустилась ночь. На тёмной полосе
Уснули самолеты ровным строем,
Чтобы взлететь по утренней росе,
Турбинами окрестность беспокоя.

Чтобы умчаться утренней звездой,
Купаясь в волнах розового света
Куда-то ввысь, за солнечной мечтой,
Куда-то вдаль, за самый край планеты.

Короткий взлёт несет разлуки боль,
Чтобы дарить другому радость встречи.
Короткий взлёт. И ты один. Изволь
Всё пережить, судьбе своей переча.

Не сдайся, если раз не повезёт,
Надейся, жди, встречай его с рассветом!
Он прилетит, твой синий самолёт,
Но только нужно очень верить в это!

ГОДЫ, ПЕРЕВИТЫЕ ЛЕНТАМИ ТРОП

Я жду...

Я жду, я слушаю шаги,
Минуты кажутся часами.
Ты эту вечность между нами
Преодолеть мне помоги.

Я жду. Я в ожидание весь.
Передо мною – только время.
Оно тяжёлое, как бремя,
Как самая дурная весть.

С собой не в силах совладать
И мыслей строй привести в порядок,
Я полон всяческих догадок,
Я жду, я продолжаю ждать!

Открытие сезона

У каждого своё
Открытие сезона:
Один мечтал давно
О травке на газонах,

Забыв про всё. Иной
Воспрянул на футболе,
А нас манит весной
Неведомое поле.

А нас с тобой зовут
Тайги безбрежной дали.
Лишь сделав свой маршрут,
Сезон мы открывали.

Момский маршрут

Буордахский массив –
Островежные горы,
Облака разбежались по склонам
хребтов...

И уйдём мы отсюда,
Должно быть, не скоро,
Переждав пересменку дождей и ветров.

Не спускаться по Моме
Нам в такую погоду.
Парусит наша лодка то вперед, то назад...
И сидим мы в палатке,
Вспоминая невзгоды
Лихолетий и дней, отошедших назад.

Разгорелась печурка,
Нас спасая от стужи,
Благо дров в этих диких местах не занять,
И кипит потихоньку
Наш бесхитростный ужин,
Наше время безудержно катится вспять.

В ожидании вечном
Наши дни протекают:
Все мы ждём отправленья, неизвестно
куда,

Снова реки и горы
Нас к себе принимают,
И туманная даль растворит города.

Бивень мамонта в обрыве речного берега

Ночь, оглашая рёвом своим,
Людям внушая страх,
Мамонты шли из лесных глубин
К устью реки Ирелях.

Мамонты шли от беды к беде,
Шли в свой последний час.
Вот уж один по грудь в воде,
Вот он в илу увяз...

Стон. Беспольный и слабый звук
Против стихийных бед.
Зверь пролежал в ледяном плену
Многие тысячи лет.

Тускло в обрыве белеет клык,
Грозен его замах...
Трудно же ты погибал, старик
В устье реки Ирелях.

Закат

Застыли облака, как древних замков стены.
И солнца низкого закатные лучи
Кидают в них свои косые стрелы,
Вонзают золотистые мечи.

Но что это! Кончается сраженьё,
Не справившись с громадой пришлых туч.
Всё осветив на краткое мгновенье,
Угас последний побежденный луч.

Темнеется лесистый берег дальний,
Чуть видимый, манящий нас туда.
И слышно, как в таинственном молчаньи
Колышется колымская вода.

Рассвет

По распадкам плывут туманы,
Поднимаясь выше и выше...
Вот окрасились светом багряным
Облаков мохнатые крыши.

Небо, бывшее темным-темным,
Стало розовым и белесым.
Золотыми сделались кроны
Вдалеке стоящего леса.

По воде побежали блики,
Всколыхнул их ветер, играя,
И промчалась с присвистом диким
На восток утиная стая.

Могу поспорить я, что джунгли Америки,
Столь славные лианами и мглою,
В сравненьё не идут с колымским
берегом,
Поросшим тальниками и травой.

Здесь путь не отмечаем километрами,
Его измерить можно лишь часами,
Когда мы проползаем между ветками
С тяжёлыми своими рюкзаками.

Здесь не пойдёшь по азимуту прямо ты
В футболке, как рисуют на картинах.
Здесь воздух, как струна, звенит,
натянутый
От миллионов крыльев комариных.

Порой палатки наши ставить некуда –
Клочка земли сухой и ровной нету,
И всё-таки предпочитаем эту мы
Суровую колымскую планету.

Наледь

Небо, словно перевернуто,
Расплескалось по долине.
Меж заснеженными склонами
Лёд разлился синий-синий...

Отшлифована метелями,
Обработана ветрами,
По террасам наледь стелется,
К руслу дыбятся буграми.

В ней – живой воды стремление
Крепко сковано зимою,
В ней борьба. И отступление
Перед стужей и мглою.

Толща льда многометровая
Поглотила вод стремнину.
Скрыло белое безмолвие
Задремавшую долину.



ГОДЫ, ПЕРЕВИТЫЕ ЛЕНТАМИ ТРОП

Колымские лиственницы

Они, как сказочные тени,
Рождаются в тени заката,
Не видно их обычной зелени,
И слитен контур лап мохнатых.

Словно начертаны морозами,
Прозрачны и ажурны кроны,
И лес на фоне бледно-розовом
Подобен призрачной короне.

Убили лося

Лось прошел немножечко картинно,
Может потому, что шел несмело.
Вот уже пониже рога длинного
Голова над прорезью прицела.

Голова плывет на смертной линии.
Грянул выстрел, и упало тело,
А глаза огромные и синие
Говорят: «Зачем ты это сделал?!»

Парад Победы

Они по виду только разные:
Блестят атласом и шитьем
Знамена, черные и красные
С мальтийским загнутым крестом.

Они слились фашистской сущностью,
Они в страданиях и крови...
По всей Европе смерть несущие...
Солдаты рейха с ними шли.

Над Златой Прагой и Варшавою,
Над гордой Францией, – они
Везде своей кичились славою
И в ночи обращали дни.

И напрягалась всеми нервами
Под черной свастикой земля.

Они в июле сорок первого
На наши двинулись края.

Вгрызаясь танковыми клиньями,
В кровавом зареве тревог,
Ломали обороны линии
И лезли, лезли на восток!

Четыре года шло сражение:
Не счастье потерь, не смерть бед.
Мы знали: горечь поражения
Сменится радостью побед!

Мы выгнали гостей непрошенных,
На их земле окончен бой...
Шаг, поворот – и древки брошены
Перед Кремлевскою стеной!

Никто не забыт

Никто не забыт и ничто не забыто!
За лозунгом звучным столь многое скрыто:
Здесь те, кто дарили салюты побед
И те, кто не дождал до праздничных лет...

За лозунгом, словно за серым туманом
Сокрыты от глаз лагеря Магадана,
И звон лесосеки и тени людей,
Колонной бредущих среди чёрных
камней...

Замёрзших в тайге и в студёной воде,
Могилы везде и могилы нигде.
И нет ни крестов там, ни огненных звёзд –
Тех, павших, оплакивал снег да мороз...

Памяти Генриха Эпштейна, начальника Якутской мерзлотной экспедиции МГУ

Огибая массивы причудливых гор,
Прорезая тайги величавый простор,
Чуть колышет на плесах зеленой волной,
На порогах бурлит, весь от пены седой,
Словно ветренный день, то нахмурился он,
То на солнце блестит, непокорный Тимптон.
Много дней они плыли по этой реке,
Проложившей долину в горах и тайге,
Двое в лодке. И Генрих представить не мог,
Что готовит ему тот, последний порог,
Что затеял ещё своевольный Тимптон,
Что скрывает за новой излучиной он?...

Среди солнечных плесов и мрачных теснин
Плыли двое. В низовья спустился один.

Новеллы о камнях

Мы все живём среди камней:
Из них восходим, в них уходим,
За чередой последних дней
Успокоенье в них находим.

Надёжней вечности гранит,
Алмаз прекрасен и полезен,
Нас малахит к себе манит
Переплетеньем волн и песен.

И я уверен, счастлив тот,
Кто хоть на час, хоть на мгновенье
В том мире каменном найдёт
И красоту и вдохновенье!

Малахит

Застывшие волны, уснувшие травы,
Раскинулись кроны умолкшей дубравы.
Пришедший с Урала, из сказов Бажова,
Он к нам возвращается снова и снова.

И можно часами смотреть в Эрмитаже
Бескрайний узор малахитовой вазы:
Творенье искусства, создание природы –
То камень дворцов и богатство народа.

Мрамор

Пришедший к нам из солнечной Эллады,
От римских храмов, их резных колонн,
Красавец мрамор и везде, где надо
Мир украшать, нам помогает он.

Он многолик, он бесконечно разный:
Как холод мёртв: пластичен, как живой!
Зелёный, серый, желтовато-красный
И если поискать – любой другой.

Он под резцом нам возвращает тело
Богов, давно ушедших, и людей,
Он позволяет людям горд сделать
Значительно просторней и светлей!

Чароит

Чароит – сиреневый камень,
Камень сумеречных рассветов,
Он лежал в мерзлоте веками,
Не добытый и не согретый.

Чароит – сиреневый камень,
Как цветок среди жаркого лета.
Из земли его всё же достали,
И воспели его поэты.

Чароит – сиреневый камень,
Вам подарят когда-то и где-то...
Хорошо, что есть под ногами
Чароит в глубинах планеты.

Лазурит

Кусочек камня на столе лежит
Весь в облаках и голубых просветах:
Памирский, Забайкальский лазурит –
Небесный камень, солнцем обогретый.

И если ввысь взмывает самолёт,
Ему во след внимательно смотри ты,
И вдруг увидишь, что его полёт
Не в небесах, а в красках лазурита.

Рубин

Как капли крови из земных глубин,
Пролитые в неведомых сраженьях,
Алеет нестареющий рубин
В оправках ювелирных украшений.

